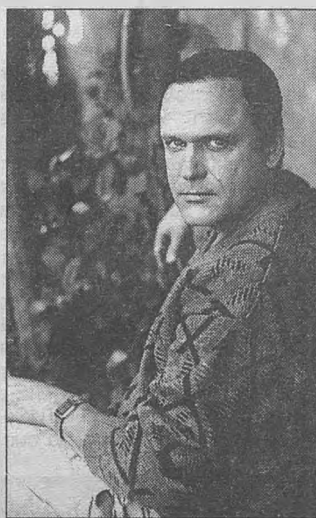

Ходить до старости в героях-любовниках — для мужика неприлично

Актерский имидж — штука коварная. Бывает так, что удачно сыгранная роль порождает своего рода "комплекс маски" — тиражируется от фильма к фильму, из года в год. Артист уже и сам не рад, а что поделаешь — и публика привыкла, и режиссеры часто консервативны. Николай Еременко этой участи не избежал, хотя признанный герой-любовник советско-российского кинематографа к такой однозначной оценке собственного возможностей относитесь весьма скептически.

— Конечно же, это печать "Красного и черного". Ну что же делать, если этот фильм так попал в цель? И психология зрительская, человеческая, не хотела Еременко другим воспринимать. Вы знаете, сколько обидных и оскорбительных писем я получил, например, после "Пиратов XX века"? Поклонники Жюльена Сореля безжалостно карали меня за то, что я пал с высот большого искусства до такого низкого жанра. И вообще, как мне не стыдно? Но на всех угодить трудно. И надо сказать, сейчас наступило время, когда я просто на 180 градусов повернулся от всех этих досужих домыслов и разговоров, которые мне и самому порядком поднадоели. Я ведь уже не молодой мальчик и здраво отношусь к возрасту. Лет до шестидесяти ходить в героях-любовниках — по меньшей мере неприлично для мужика. Так что совсем недавно я первый раз в жизни сыграл комедийную роль, в которой и сам себя не узнал.

— Звучит интригующе, Николай Николаевич. И что же это за картина?

— Фильм замечательного режиссера Ивана Дыховичного под названием "Крестоносец-2". Есть, вы знаете, просто "Крестоносец", где я тоже играю, но там другой режиссер, сценарист, да и просто другой жанр. Если там, по сюжету, бандиты снимают кино, то здесь это делает милиция. Я страшно благодарен Дыховичному за то, что он рискнул, ведь та инерция, о которой мы говорили, движет не только публикой, но и режиссерами. И я сам с ней в какой-то мере смирился. Но сейчас мы все это порушили. Я сломал свой имидж. То, что во мне накопилось, что приходилось скрывать за видимостью героя-любовника, все это выплеснулось, и выплеснулось довольно мощно. Мало того, я еще и издеваюсь над тем, что играл раньше. Такая вот самопародия, большое хулиганство. Дыховичный снял с меня шкуру, вывернул наизнанку, и, повторяю, я ему очень благодарен за этот мужественный поступок. Не знаю, как отнесется к этому зритель, но если смеются монтажеры со стажем, которые трудно чем-либо пронять... Эксперимент с комедией вообще сам по себе опасен. Ведь, если не смешно, это уже трагедия.

— Тот азарт, с которым вы говорите о смене собственного имиджа, связан только с конкретным фильмом или вы ощущаете общее оживление нашего кинематографа?

— Слава тебе, Господи, прошел этот период "чернушного" кино, связанный, как я понимаю, с отмыванием денег. Самое ужасное, что он плохо повлиял на зрителя, который от российских фильмов отвернулся. Все-таки американцы

что-то оптимистичное хоть иногда снимают, а тут — полная тьма. Сегодня же я и в самом деле чувствую какое-то шевеление нашего полумертвого кинематографа, реанимироваться он потихоньку начинает. И уже, случается, отказываюсь от довольно солидных ролей, потому что есть выбор, трудно все совмещать. Интересно становится работать и с молодыми режиссерами, потому что они входят на новый уровень, перестают быть инфантильными. Я даже про свою режиссуру забыл, хотя в тот "паралитический" кинопериод снял картину "Сын за отца".

— Я как раз и хотела спросить, что подвигло вас на "перемену участи"?

— Да вот это безделье актерское и подвигло, просто нечего было играть. К тому же у отца, Николая Еременко-старшего, предстоял 70-летний юбилей, надо было как-то это дело отметить. Потом, мы с ним никогда и не играли вместе. Вот я и снял фильм. Конечно, это в большей степени для отца делалось, но мне было интересно работать. Хотя все было снято на какие-то смешные деньги, мы работали в любое время дня и ночи, в любую погоду.

— Нет ли у вас искушения продолжить режиссерские опыты?

— Нет, это был абсолютно вынужденный шаг. У меня все равно могли актерские, и высший кайф я получаю от того, что исполняю чужую волю. Так заложено в артисте, никуда от этого не деться. Режиссер — это другая профессия, в ней надо жить: за всеми наблюдать, следить за процессом. Надо, чтобы у тебя в голове все время рождались какие-то идеи, чтобы тебя что-то дико волновало, чего ты не можешь не выплеснуть на экран. Вот этого всего у меня нет, честно признаюсь.

— Многие актеры, наоборот, частенько сокрушаются по поводу зависимости от режиссера.

— Это кокетство молодое, оно потом проходит. Я ведь тоже раньше был максималистом и вел сплошные бои с режиссерами. Естественно, среди них встречаются люди разной степени одаренности. Но подчиняться уму, таланту, даже какой-то авантюристике — это просто высшее удовольствие.

— Несмотря на рост интереса к собственным фильмам, по-прежнему одной из главных примет киношной жизни является мощная тусовка. Так ли она важна, чтобы оставаться на плаву?

— Вы меня часто там видите?

— Нет, потому и интересно услышать ваше мнение.

— Это, по-моему, удел в большей степени молодых артистов. В том смысле, что их вообще мало кто знает за пределами Москвы и Московской области. Нам-то в

свое время больше повезло, вся страна в кино ходила. Но у меня лично вся эта тусовка только раздражение вызывает. Ловлю себя на том, что какой-то деланный становлюсь, потому что все — игра. Хотя поначалу я там появлялся — хотел понять, что же это такое. Но когда увидел все эти фракы и бабочки, которые толком и носить-то никто не умел... И лица-то были не для смокингов, а, скорее, для ватников. Это ржание меня как-то сразу отторгло, отбило всякое желание в нем участвовать. Тем более что никакой особой пользы от этого нет.

— Сейчас модно обзаводиться собственным продюсером, освобождающим артиста от многих ненужных хлопот. Есть ли такой человек у вас?

— Нет, я всегда все делал сам, чем в какой-то степени и горд, если до сих пор остаюсь артистом, который вызывает интерес. Сам выбирал, соглашался на какие-то предложения или отказывался. Пока мне, кажется, нух не изменял: что надо играть, а что не надо.

— Не посещало ли вас желание попробовать себя на театральных подмостках?

— Вы наступили на большую мозоль, поскольку как раз сейчас этот вопрос меня беспокоит. С одной стороны, я вроде бы готов к этому, понимаю, что стоит попробовать. С другой — существует страх перед театром — абсолютно нормальный и естественный, поскольку я практически на сцене не играл. Не считая дипломных спектаклей во ВГИКе, которые были так давно, и небольшого опыта в Театре-студии киноактера, где опять-таки шло "Красное и черное". Забавные это были эпизоды, поскольку я тогда в армии служил и меня на спектакли привозили: Жюльен Сорель был лысым, в каких-то шрамах, иногда и вовсе с разбитым лицом. Сейчас же у меня есть довольно серьезное предложение от Иосифа Райхельгауза из "Школы современной пьесы", причем даже с зачислением в штат. Я вот пока хожу в этот театр, смотрю спектакли. Не знаю, может быть, и решусь. Попробовать-то не грех в любом случае. Но пока я в раздумьях.

— Задевают ли вас жизненные реалии, не связанные с искусством, или актерская профессия истощает все?

— Конечно, задевают. Тут, видимо, сказываются в какой-то степени гены моего отца, который, помимо актерства, всегда был общественным деятелем и до сих пор таковым остается. И я никак не могу его за это осуждать, жить иначе он просто не может. Поэтому что-то осталось и во мне, наверное, потому что я за всем слежу, читаю газеты и смотрю телевизор. Мне интересно. Но чтобы участвовать в этом — упаси Бог. Вообще у меня вызывает раздражение, когда артисты идут, например, в политику. Это неправильно.

— А говорят, что люди охотнее верят известным художникам, чем надоевшим депутатам.

— Может быть. Но зато у таких артистов сразу пропадает творческая аура, которую они создавали всю жизнь. Политика все сжигает очень быстро. И на этих людей вдруг начинаешь смотреть другими глазами: исчезает загадка. Это очень плохо. Нет, лучше уж оставаться просто артистом, хорошая это все-таки профессия. Продолжаешь развлекать людей даже после собственной смерти. Вот это мне импонирует.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА